

VI 6/8

Годъ 11-й.

Кн. XLIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1899, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. 22.

1900.

Изъ области религіозныхъ вѣрованій горныхъ таджиковъ.

Религіозныя воззрѣнія горнаго таджика не сложны и крайне просты.

Тысячелѣтная давность ислама среди таджиковъ Нагорной Азіи повидимому не оставила глубокихъ и прочныхъ слѣдовъ въ ихъ вѣрованіяхъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ міросозерцаіе Арабскаго пророка совершенно изгладило первобытныя религіозныя представленія народовъ. Что за причины того—многовѣковая ли замкнутость этихъ таджиковъ въ горныхъ тущобахъ и потому разобщенность ихъ отъ остальнаго мусульманскаго міра, полнѣйшее ли невѣжество муллъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не желаніе—а иногда и открытая враждебность—принимать всякаго пріѣзжаго миссіонера изъ великихъ медресе священной Бухары и изъ Самарканда—судить не берусь. Во всякомъ случаѣ горецъ довольно равнодушно относится къ своей настоящей религіи—мусульманству—и свято чтитъ свои старыя исконныя вѣрованія и обычаи, которые почти исчезли у его сородича—равниннаго таджика. По мнѣнію горнаго иранца во главѣ всего міра видимаго и невидимаго стоитъ „Худо-Парвардигоръ“ (Богъ-Питатель), существо вѣчное и всемогущее, доброе и грозное, смотря по обстоятельствамъ. Кто онъ, откуда? Смертнымъ не дано этого знать: „Онъ самъ появился“, какъ объясняется самимъ его названіемъ „Худо“. Его жилище—небо,—тамъ Его постоянный престоль и пребываніе. Худо часто сходитъ на землю и слѣдитъ за людьми, за ихъ поступками, слѣдитъ своимъ всевидящимъ окомъ за дѣтьми и за домашними животными,—какъ съ ними обращается и какъ ухаживаетъ за ними „его рабъ—человѣкъ“: бережетъ ли ихъ, кормитъ ли, заботится ли о нихъ. „И малыя дѣти и животныя языка не имѣютъ, своихъ нуждъ не

выскажутъ никому,—кто же о нихъ позаботится, какъ не вѣчный Худо-Парвардигоръ?“—наивно разсуждаетъ горецъ-таджикъ.

Слуги Худо, добрые духи, созданные имъ, раздѣляются на двѣ категоріи. Первые—*фиршита* (ангелы) прямые исполнители его велѣній, охранители людей. Когда дитя находится еще въ утробѣ матери, Худо, давъ младенцу жизнь, умъ и дыханіе, посылаетъ къ нему ангела, который даетъ ему глаза, языкъ и питаетъ его все время до появленія его на свѣтъ. По рожденіи, къ человѣку Худо посылаетъ двухъ ангеловъ, которые и остаются съ нимъ на всю жизнь, постоянно сидя у него на плечахъ. Это, по вѣрованію горцевъ, дѣлается безконечно добрымъ Худо для защиты человѣка отъ двухъ злыхъ духовъ, которыхъ посылаютъ къ каждому изъ людей темныя силы. По смерти человѣка эти ангелы возносятъ его душу на судъ праведнаго Худо. Въ звѣздныя, ясныя ночи всегда можно наблюдать дорогу святыхъ людей и дѣтей къ престолу Худо—это Млечный путь.

Близко къ фиршита стоятъ добрые духи болѣе низшіе, чѣмъ они. Это *пари*, или *парик*—благодѣтели людей и животныхъ, генія-покровители каждаго семейства, невидимые покровители стадъ и пастуховъ. Пари горецъ-таджикъ представляетъ въ видѣ женскихъ существъ необыкновенной красоты. Ихъ свѣтосарное сіяніе такъ ослѣпительно, что человѣкъ не выноситъ его. Ихъ длинные бѣлокурые волосы напоминаютъ златокованную парчу. Ихъ синія очи сверкаютъ „какъ камни въ ризѣ вѣчнаго Худо“, т. е. какъ звѣзды. Пари очень любятъ людей и если человѣкъ ведетъ добродѣтельную жизнь, если онъ добръ и милосердъ, то онъ, тайно покровительствуя ему, приносятъ счастье и удачу во всемъ. При этомъ, если добродѣтельный человѣкъ бѣденъ и не имѣетъ жены, то пари ночью тайно замѣняетъ ему ее. Добрые люди иногда видятъ пари, злымъ же и отличающимся зазорною жизнью не дано такого счастья: пари отвертываются отъ нихъ и держатся вдали отъ такихъ людей. Представляя себѣ пари въ видѣ добраго генія, покровителя, горецъ-таджикъ допускаетъ и зло со стороны этого добраго духа, впрочемъ по отношенію къ однимъ только новорожденнымъ и роженицамъ. Когда подлѣ родившагося и родильницы нѣтъ людей, то пари заглядываютъ въ то мѣсто, гдѣ они находятся и ударяютъ ихъ по какой либо части тѣла, отчего происходятъ пораненія или увѣчья тѣхъ или другихъ членовъ тѣ-

ла, наприм.: отнимается рука или нога, появляется горбъ, перекашивается ротъ, бываютъ пораненія и т. д. И почти всегда по горнымъ кшлакамъ Каратегина и Дарваза при встрѣчѣ съ страдающими падучею болѣзною, золотухою, огневицею и т. п. на вопросъ о причинѣ этого слышится всегда одинъ отвѣтъ: „въ дѣтствѣ съ нимъ пошутила пари“.

Богъ-творецъ Худо и подчиненные ему добрые духи, его слуги, фаришты и пари или парикъ, составляютъ одинъ общій міръ— царство добра, свѣта и правды и ведутъ непрерывную борьбу съ темными силами, которыми наполнена вся земля и атмосфера. Всемогушій Худо поражаетъ и убиваетъ злыхъ духовъ во множествѣ, но изъ утробы земли, изъ нѣдръ горъ, изъ безпредѣльныхъ воздушныхъ міровъ темная сила выставляютъ противъ творца міровъ все новые и новые отряды. Этотъ міръ темныхъ силъ, съ которымъ борются добрыя начала въ мірѣ, Богъ-Творецъ и подчиненные ему добрые духи, ведетъ также постоянную брань и съ „рабомъ земли“ (бандаи-хок), человѣкомъ, и съ животными, двумя чистѣйшими твореніями Худо. Проявленіе дѣйствія злыхъ силъ на человѣка и животныхъ выражается или посредствомъ всевозможныхъ болѣзней, или психическимъ разстройствомъ, или же, наконецъ, внезапной смертью. И горецъ-таджикъ, на каждомъ шагу трепеща за свое существованіе, такъ или иначе старается избавиться отъ такого губительнаго вліянія темныхъ силъ. Правда, онъ не прибѣгаетъ къ ихъ умилоствленію, не старается задобрить ихъ жертвами и молитвами, не прибѣгаетъ и къ заклинаніямъ, нѣтъ, онъ только молить Худо—повелителя двухъ міровъ: добраго и злого,—чтобы онъ спасъ его отъ козней злыхъ духовъ и далъ бы ему покровителемъ добраго духа. Какъ вещественное средство для отогнанія злыхъ духовъ (какъ наприм. въ Дарвазѣ по Пянжу) употребляютъ талисманъ („айкяль“), который носится всѣми безъ исключенія туземцами и ихъ домашними животными. „Айкяль“ обыкновенно представляетъ собою клочекъ бумаги съ надписью: „Бисмиллаhir рахманir-рахима“, или вообще какое либо изреченіе изъ Корана. Подобный клочекъ зашивается въ кожу или въ „мату“ (бѣлая хлопчатобумажная ткань) въ формѣ равнобедреннаго треугольника и подвѣшивается у каждаго на правой рукѣ, или на правомъ боку, а нерѣдко даже и на правомъ ухѣ. У лошадей „айкяль“ прикрѣпляется къ гривѣ, у ро-

гатаго же скота къ рогамъ. Очень часто можно встрѣтить и людей и животныхъ, у которыхъ встрѣчается по нѣсколько подобныхъ талисмановъ. Имѣя такой талисманъ, по вѣрованію горцевъ-таджиковъ, можно быть застрахованнымъ отъ всякихъ козней злого міра, который составляютъ: *дэвы* или *деу*, *шайтаны джинны* или *аджина*, *гули-явони* и *аждагор'ы* (драконы).

Дэвы—это духи-мужчины гигантскаго роста, сильные, могучіе, покрытые шерстью, съ острыми когтями на рукахъ и ногахъ; съ ужасными лицами. Ихъ обиталище—внутри горъ, въ утробѣ земли и на днѣ озеръ. Дэвы стерегутъ тамъ сокровища земли: золото, серебро и драгоценныя камни. Они великіе мастера дѣлать различныя ювелирныя вещи изъ находящихся въ ихъ распоряженіи благородныхъ металловъ и камней. Порою случающіеся различныя обвалы въ горахъ и сотрясенія почвы туземцы объясняютъ стукомъ дэвовъ въ своихъ мастерскихъ или же просто тѣмъ, что „дэвъ бунтуетъ“. Дэвы ненавидятъ все человѣчество и при первой встрѣчѣ съ людьми убиваютъ ихъ, или уносятъ въ свои мрачныя жилища. Чувство жалости и состраданія имъ невѣдомо; страха возмездія за свои поступки отъ Худо они не знаютъ. Въ многочисленныхъ памятникахъ народнаго творчества горныхъ иранцевъ, называемыхъ то „Обсана“, то „Осуна“, рисуются многочисленныя сцены кровавыхъ битвъ дэвовъ съ различными царями и героями. Въ нихъ то дэвы одолеваютъ людей, то сами гибнутъ въ жестокихъ битвахъ. Пища дэвовъ, по вѣрованію горцевъ, состоитъ исключительно изъ человѣческаго мяса, и внутри ихъ жилищъ всегда есть темницы, гдѣ томятся сотни людей, удручаемые страхомъ каждодневной смерти, такъ какъ каждый день дэвъ выбираетъ себѣ по два человѣка, одного на обѣдъ, а другого на ужинъ. Звонъ цѣпей заключенныхъ, ихъ стоны и мольбы не трогаютъ сердце дэва, и на все воззванія невольниковъ къ дэву о жалости и состраданіи, на все заклятія его именемъ Худо, дэвъ отвѣчаетъ страшными богохульствами. Похищая людей, чтобы они служили имъ пищею, дэвы также съ помощію только имъ извѣстныхъ чаръ нерѣдко уносятъ въ свои недоступныя убѣжища и свѣтлыхъ пари, которыхъ и дѣлаютъ себѣ женами. Проливая каждый день жемчужныя слезы, пари томится десятки, сотни лѣтъ въ тяжкой неволѣ у дэва, моля и прося Худо послать ей избавленіе. И милосердый Худо въ концѣ-концовъ шлетъ на помощь доброму духу свое

созданіе — „раба земли“, человека, и при томъ героя (палавон'а), который убиваетъ дѣва и освобождаетъ пари.

Вмѣстѣ съ дѣвами, духами-мужчинами, существуютъ злые духи-женщины. Это — *шайтаны*. Они страшнаго вида, ихъ туловище напоминаетъ что-то полувѣриное, получеловѣческое; на рукахъ и на ногахъ у нихъ острые когти; на головѣ, вмѣсто волосъ, изви-вающіяся змѣи. Шайтаны не имѣютъ опредѣленныхъ жилищъ и вѣчно странствуютъ по воздуху и по землѣ, разнося зло и грѣхъ. Каждое совершившееся беззаконіе, каждая сдѣланная вопіющая несправедливость на землѣ — „это слѣдъ пролетѣвшаго шайтана“, говорятъ горцы-таджики. Шайтаны — это причина всѣхъ проявленій враждебности между людьми; ненависть, злоба, зависть, скрытая и явная вражда, убійства, война и т. п. — все это носить одно общее названіе „сѣмя шайтана“ (тухми шайтан). Если бы не было шайтана, то, по вѣрованію горцевъ, на землѣ было-бы царство взаимной братской любви между человѣчествомъ, — всякія бы проявленія зла между людьми отсутствовали, такъ какъ остальные злые духи имѣютъ вліяніе только на физическую сторону человека, съ чѣмъ можно еще примириться. Таковъ общій взглядъ у всѣхъ горцевъ-таджиковъ на шайтана. Позволю себѣ привести здѣсь другое воззрѣніе на шайтана у другого народа, именно у арабовъ племени Курайшъ, живущихъ въ долинѣ р. Яхъ-су, на границахъ Дарваза и Бадахшана. По вѣрованію этихъ арабовъ, шайтанъ есть отвлеченное понятіе, и за духа его считать никакъ нельзя. Шайтанъ есть общее собирательное имя міроваго зла, въ чемъ бы оно ни проявлялось. Ссора, драка, война, смятеніе, различныя тайныя и явныя омерзительныя проявленія человѣческихъ страстей — все это носить одно общее названіе „шайтана“.

Третью категорію темныхъ силъ составляютъ существа болѣе низшія, чѣмъ дѣвы или шайтаны, это — *джинны* или *аджина*. Они живутъ въ покинутыхъ, не жилыхъ помѣщеніяхъ. Джинны — это тѣни нѣкогда жившихъ здѣсь людей, которыхъ Худо за различные проступки и грѣхи на землѣ обрекъ вѣчно скитаться вокругъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили. Джинны представляются горцами-таджиками въ видѣ существъ мужского и женскаго пола; они очень злы, не любятъ людей и при первомъ удобномъ случаѣ всячески стараются вредить имъ. Случается, что люди ихъ видятъ, при чемъ въ тотъ самый моментъ, когда че-

ловѣкъ увидитъ джина, тотъ ударяетъ его рукою по тѣлу, и человекъ, отъ боли и испугавшись ихъ страшнаго вида, дѣлается сумасшедшимъ (дівона) на всю жизнь. По вѣрованію горцевъ, джиновъ въ особенности можно встрѣтить въ сумерки и ночью подлѣ кишлаковъ, на развалинахъ старыхъ домовъ и на кладбищахъ. Глубокая увѣренность въ существованіи джиновъ и страхъ предъ ними такъ велики, что горецъ ни за что не согласится подойти къ старымъ развалинамъ послѣ того, какъ солнце скроется за горными вершинами, изъ опасенія, что могутъ встрѣтиться озлобленные тѣни нѣкоторыхъ его предковъ и сдѣлать его калѣкой на всю жизнь. Только лишь одни „урусы“, которые въ состояніи убивать дэвовъ, не хуже „палавоновъ“, не боятся джиновъ и даже могутъ порою подчинить ихъ своей власти. Это повѣрье встрѣчается во многихъ горныхъ кишлакахъ. Помню, напримѣръ, какъ въ Дарвазѣ, въ верховьяхъ Оби-Хингоу, одинъ таджикъ пресерьезно увѣрялъ меня, какъ ему пришлось быть въ „очаровательномъ Кокандѣ“, и помимо всякихъ чудесъ онъ видѣлъ тамъ громадную шкуру дэва, желтаго цвѣта съ поперечными темными полосами, которую продавалъ русскій въ своей лавкѣ, да видѣлъ еще, какъ водилъ какой-то человекъ по улицамъ на веревочкѣ „джина“, такого маленькаго (надо полагать еще ребенка), черненькаго и очень присмирѣвшаго, который подъ музыку плясалъ и кувыркался.

Въ горныхъ лѣсахъ и рощахъ, въ чашахъ прирѣчныхъ кустарниковъ живутъ лѣсные существа, подобныя человекъ, покрытыя черною шерстью, съ когтями на рукахъ и ногахъ, необычайной силы, всегда вооруженныя тяжелыми дубинами. Это *гули-явони*—лѣсные демоны, соотвѣтствующіе нашимъ лѣшнимъ. При встрѣчѣ съ людьми они безжалостно убиваютъ ихъ. Причемъ тѣло человекъ, погибшаго отъ руки этого лѣсовика, дѣлается чернымъ и покрывается мѣстами кровавыми полосами, которыя есть ничто иное, какъ слѣды когтей „гули-явони“. По этимъ признакамъ всегда можно узнать, что человекъ погибъ отъ руки страшнаго обитателя лѣсовъ. И только сильный духомъ и тѣломъ человекъ—герой (палавонъ) можетъ въ долгомъ и ужасномъ бою одолѣть „гули-явони“ и убить его мечомъ, простымъ же смертнымъ нечего и думать избѣжать смерти отъ руки этого лѣсовика.

По берегамъ горныхъ рѣчекъ, въ мрачныхъ ущельяхъ горъ, гдѣ зарождаются шумные потоки, обитаютъ драконы *аждаһор*—

духи въ видѣ большихъ змѣй безъ ногъ, съ длинною гривой, съ громадною головою и страшною пастью, которая усажена острыми и крѣпкими зубами. Изъ пасти дракона выходитъ дымъ и огонь и постоянно истекаетъ желтая ядовитая слюна. Пасть дракона и глотка такъ велики, что проглотить человѣка для него ничего не значить. Драконы очень любятъ лакомиться человѣческимъ мясомъ и потому, какъ только завидятъ человѣка, стараются втянуть его въ себя, съ необыкновенной силой вбирая въ себя воздухъ. Попадъ въ эту воздушную струю, человѣкъ какъ перо летитъ къ пасти дракона и отуманенный зловонными испареніями, выходящими изъ рта послѣдняго, обожженный его огнемъ, безъ чувствъ падаетъ въ ротъ аждахор'а, который и пожираетъ его.

Всѣ драконы и змѣи горъ подчиняются живущему въ недоступныхъ для людей заоблачныхъ высяхъ горъ, змѣиному царю (Шохи-моро), который обитаетъ въ своей станицѣ „Змѣиномъ городѣ“. Онъ великій волшебникъ, и окружающая его свита старается превзойти другъ друга въ совершеніи различныхъ невиданныхъ и небывалыхъ проявленій волшебной силы.

Всѣ эти перечисленные добрые и злые духи неразрывно связаны съ религіозными представленіями горныхъ иранцевъ. Безъ этихъ добрыхъ и злыхъ силъ трудно представить себѣ жизнь горца-таджика, который всѣ дни своего существованія проводитъ въ туманѣ поэтическихъ легендъ, наивныхъ преданій старины и мистическихъ религіозныхъ образовъ. Во всѣхъ памятникахъ туземнаго народнаго творчества, во всѣхъ этихъ многочисленныхъ *обсана* или *осуна*, главные герои: дѣвы, пари, драконы, цари, герои и проч., которые ведутъ непрерывную войну между собою, и всегда почти проявленія злыхъ силъ, въ чемъ бы они ни выражались, побѣждаются добрыми началами. И горець-таджикъ свято вѣритъ въ простотѣ своей младенческой души, что когда-нибудь, чрезъ много, много лѣтъ всемилосердый Худо и подчиненные ему добрые и свѣтлые духи побѣдятъ темныя силы, которыя господствуютъ въ мірѣ въ видѣ дѣвовъ, шайтановъ, джиновъ, гули-явони и драконовъ. Худо заключить ихъ въ пустынные, дикія горныя области, съ мрачными ущельями, съ бездонными пропастями, съ шумящими водопадами, наложить на нихъ великое заклятіе, и они не выйдутъ оттуда никогда, не будутъ больше терзать чело-вѣчество, разносить зло по землѣ, убивать людей или дѣлать ихъ

уродами. Всякое зло, въ чемъ бы оно ни проявлялось, навсегда исчезнетъ изъ міра, уступивъ мѣсто царству добра, свѣта и правды во главѣ съ милосердымъ Худо-Парвардигор'омъ и подчиненными ему добрыми духами. Когда же исчезнетъ изъ міра зло, скоро ли воцарится въ немъ добро и правда? На эти скорбные вопросы мятущагося духомъ челоувѣчества горецъ-таджикъ съ глубокимъ убѣжденіемъ наивно отвѣчаетъ: „скоро“. Драконы ужъ стали встрѣчаться рѣдко. Не замедлитъ дойти очередь и до другихъ темныхъ силъ: ужъ Худо и добро стоятъ у вратъ Нагорной Азіи.

А. Семеновъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1903, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла **В. Ө. Миллера**

и

Товарища Предсѣдателя Н. А. Плиуна.

МОСКВА.

Т-во Скоры. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1903.

Праздникъ Покрова у крестьянъ Двиницкой волости.

Материалы для народнаго календаря.

Праздникъ Покрова Богородицы, празднуемый 1 октября, можно назвать отчасти дѣвичьимъ праздникомъ. По вѣрованію крестьянъ Двиницкой волости Кадниковскаго уѣзда, этотъ праздникъ считается покровителемъ свадебъ. Почти каждая дѣвица-невѣста, ложась спать наканунѣ этого дня, молится: «Батюшко Покровъ, покрой мою голову платкомъ!» Въ этотъ праздникъ въ церкви за литургіей бываетъ среди молящихся много дѣвицъ-невѣстъ, и почти каждая ставитъ празднику свѣчку и молится, по словамъ крестьянъ, о болѣе скоромъ выходѣ замужъ и о хорошемъ мужѣ.

Нѣкоторые хозяева въ этотъ день затыкаютъ кое-гдѣ пазы стѣнъ мохомъ и приговариваютъ: «Батюшко Покровъ, покрой нашу избу тепломъ, хозяина добромъ!»

1 октября почти каждый крестьянинъ закармливаетъ свою скотину на зиму. Послѣдній овсяный снопъ съ поля обыкновенно не молотится, онъ приносится въ домъ и ставится на лавку въ передній уголъ, подъ образа, гдѣ и стоитъ у иныхъ хозяевъ вплоть до 1 октября, у иныхъ же лишь всего недѣлю, и затѣмъ снопъ выносятся въ кладовую, гдѣ онъ и хранится. Когда наступаетъ 1 октября, то, прежде чѣмъ скотинѣ задавать корму, ее закармливаютъ этимъ сбереженнымъ снопомъ немолоченаго овса, т.-е. этотъ снопъ дѣлится по числу головъ и скармливается прежде всякаго другого корма. По вѣрованію крестьянъ Двиницкой волости, закармливаютъ скотъ на случай, если не хватитъ на зиму корму, чтобы скотъ лучше могъ перенести голодовку.

Первое октября считается также иногда срокомъ при наймѣ лѣтнихъ рабочихъ; впрочемъ, въ послѣднее время все чаще и чаще нанимаютъ съ условіемъ до конца лѣтнихъ работъ: т.-е., какъ кончатъ молотьбу, такъ и конецъ службѣ.

Пр. Диланторскій.

Туркменская пѣсня про взятіе Гебк-Тепѣ.

Съ туркменскаго.

(Записана въ Ахал-Теканскѣмъ оазисѣ, въ селеніи „Кипчакъ“).

Нижеприводимая пѣсня записана не лично мною: съ нею впервые познакомилъ меня Ахмед-бекъ Эфендіевъ, переводчикъ при Начальникѣ Закаспійской области, которому она была когда-то написана покойнымъ Муллою Аннакомъ¹⁾ изъ сел. Кипчакъ (верстахъ въ 7—10 отъ Асха-

¹⁾ Слово *Аннак* въ переводѣ съ туркменскаго означаетъ уменьшительное существительное отъ слова *пятница*.

бада, по направленію въ Красноводску). По этой-то записи Муллы Аннава, карандашемъ, на поллисть писчей бумаги, мною и сдѣланъ настоящій переводъ. Причемъ, въ виду того, что списокъ вообще изобиловалъ большимъ количествомъ погрѣшностей въ правописаніи, въ нѣкоторыхъ затруднительныхъ случаяхъ я пользовался при переводѣ любезнымъ содѣйствіемъ г. Эендіева, которому поэтому и считаю долгомъ принести свою благодарность.

Переводить я старался, по мѣрѣ возможности, близко къ подлиннику, преслѣдуя въ то же время и другую цѣль—сохранить то общее настроеніе, которое пѣсня имѣетъ въ оригиналѣ.

Къ намъ пришли невѣрные стройными рядами,
Изъ пушекъ, ружей яростно стрѣляя.
Ужъ двадцать лѣтъ, какъ это было.
Здѣсь и тамъ сломила сила силу,
И Богъ, защита наша, увя! оставилъ насъ,
И рѣкой пролилась наша кровь.
Враговъ увидя, улетѣла сила духа;
И Конемъ Осѣдланнымъ сраженный
Въ прахъ палъ Босць-Баранъ ¹⁾.
Огнемъ спалили крѣпость нашу,
И силы, храбрости не стало у мужей.
Съ народомъ вмѣстѣ уничтожена мечеть,
И съ «Ходма-Сендомъ», древнимъ влтиземъ,
Въ разлукѣ вѣчной сталъ «Теке» ²⁾.
У горъ разбросанныя кочевья,
Веселье свадебъ нашихъ,
Ковры, постели, конскія сбруи
И изъ бѣлыхъ кошмъ кибитки,
Серебро и золото нарядовъ женскихъ,—
Все разбито было, все взято,
И сталъ ограбленнымъ безпомощный «Теке»,
И на вѣкъ дѣтей отъ взрослыхъ разлучили.
Подвели подконтъ «невѣрные», крѣпость пала,
И, пѣтна избѣгая, бѣжали мы въ пустыню,

¹⁾ Повстаческое олицетвореніе русскихъ подъ именемъ „осѣдланнаго коня“ и текинцевъ подъ именемъ „барана-бойца“ (kòg) встрѣчается въ другихъ паматликахъ народнаго творчества туркменъ.

²⁾ Племя „Ходма-Сендъ“ считаетъ себя выходцами изъ Аравіи и потомками Аравійскаго Пророка. Среди различныхъ туркменскихъ племенъ, населяющихъ Закаспійскую область, это племя составляетъ какъ-бы духовную касту. и текинцы (да и прочія туркменскія племена также) никогда не вступаютъ въ кровное родство съ представителями этого племени, равно также и послѣдніе никогда не вступаютъ въ браки съ женщинами другихъ племенъ и родовъ. Послѣ русскаго погрома туркменскихъ степей „Ходма Сенды“ обитаютъ разбросанно между туркменами Ахаль-Текинскаго и Мервскаго оазисовъ.

Подъ каждымъ кустикомъ травы степной
 Оставляя трупы павшихъ,
 Которыхъ было—сотня тысячъ;
 И лишь немного плѣнныхъ избѣжали смерти рукъ.
 Побѣдители-невѣрные «урусами» звались.
 За ними грабить насъ спѣшили шиты и сунниты ¹⁾,
 Красныхъ дѣвушекъ и женщинъ похищая.
 Гранаты, бомбы насъ врывали въ землю,
 И руки, ноги лежали всюду по степи.
 Кто сына оплакивалъ, кто дочь,
 И всё другъ съ другомъ разлучились.
 «Не упрекай меня во лжи!» ибѣвецъ сказалъ:
 «На холмѣ Геок-Тегинскомъ кровь пролитая
 «Тому свидѣтелю, что пѣлъ я.
 «Въ ширѣ жалкимъ плѣнникомъ сталъ Теке,
 «И имя доброе его безславнымъ стало!»

А. Семеновъ.

Персидское заклинаніе противъ болѣзней.

Съ персидскаго.

Нижеприводимое мною,—въ переводѣ,—заклинаніе, или заговоръ, взято изъ старой и очень дефектной, мѣстами перебитой рукописи, подаренной мнѣ мервскимъ коммерсантомъ М. А. Аствацатуровымъ.

Эта засаленная рукопись, писанная очень хорошимъ почеркомъ (*наسخомъ*), содержитъ въ себѣ собраніе *мантір'овъ* ²⁾ или заговоровъ на разные случаи человеческой жизни; къ сожалѣнію, всё они, за исключеніемъ нижеприводимаго, не имѣютъ либо начала, либо конца. Повидимому, рукопись составляла неизбѣжную принадлежность какого-нибудь изъ дerviшескихъ, которые, странствуя изъ конца въ конецъ обширнаго

¹⁾ Послѣ паденія Геок-Теопе, по разсказамъ очевидцевъ, разбитыхъ туркменъ-текинцевъ бросились грабить и убивать также Нухурцы, Мурча *) (два племени, повидимому, не тюркскаго происхожденія, обитающія нынѣ въ Асхабадскомъ и Красноводскомъ уѣздахъ, въ приграничной съ Персіей полосѣ) и Курды разныхъ горныхъ округовъ сосѣней Персіи, на которыхъ до сего времени обрушивалась вся тяжесть туркменскихъ аламаповъ.

²⁾ Слово *мантір* въ персидскомъ и афганскомъ (*мантар*) языкахъ означаетъ собственно чары, чародѣйство, колдовство, волшебный заговоръ и перешло въ эти языки изъ санскритскаго „мантра.“

*) О нихъ см.: „Обзоръ Зап. области съ 1882 по 1890 годъ“; 2-е изд. 1897 года, стр. 17—18 и Гродекова „Война въ Турмени“, т. II, стр. 100.

Хорасана и по сосѣднимъ съ послѣднимъ странамъ: Бадахшану, Закаспію и Бухарѣ, помимо руководства духовной жизнью правовѣрныхъ, занимаются также прорицательствомъ и чародѣйствомъ.

«Во имя Бога Милостиваго и Милосердаго! Именемъ Господа, Цѣлителя болѣзней, именемъ Господа, удовлетворяющаго просьбы, именемъ Господа, хранителя здоровья, владыки величія и совершенства тѣлеснаго, которому подобають почеть и слава; святостью Давуда — Побѣдителя, святостью Сулеймана — Могущественнаго, сына Давуда, святостью Ибрагима — Милостиваго, святостью Исмаила превыше всѣхъ превознесеннаго, святостью Исхака — Единственнаго, святостью Якуба — Непобѣдимаго, святостью Юсуфа — Правдиваго, святостью Эйюба — Терпѣливаго, святостью Закаріи — сохраняющаго тайну, святостью Яхьи — Провидца, святостью Мусы — Раскрывателя судебъ, святостью Гаруна — Свидѣтеля, святостью Исы, къ которому взываютъ о помощи, святостью Шо'аиба — Великаго, святостью Мухаммада-Мустафы — Избраннаго, вождя и покровителя, святостью Льва Господня ¹⁾ побѣждающаго, къ которому обращаются за помощью ²⁾, наложилъ я, о Боже Единый, не имѣющій другаго, подобнаго себѣ, Боже, прибѣжище мое, ни съ кѣмъ не сравнимый, запрещеніе на красный, бѣлый, голубой, великій и малый вѣтры, на вѣтеръ, приносящій губительныя болѣзни, на Аргемись ³⁾ вѣтеръ, на вѣтеръ раздора, на вѣтеръ злобы, на хилва ⁴⁾ вѣтеръ, на вѣтеръ чистый и освѣжающій и на вѣтеръ нечистый, на знойный и холодный вѣтры и на всякій вѣтеръ, который служить источникомъ болѣзней, и на всякую болѣзнь, величина которой подобна горѣ Демавенду ⁴⁾, пусть всѣ они выйдуть вонъ изъ головы, лица, глазъ, рта, зубовъ, ушей, шеи, груди, боковъ, живота, жила, ногъ, мускуловъ, кожи костей, и изъ всѣхъ семи членовъ тѣла этого большаго человѣка! Пусть онъ исцѣлится и получить покой во имя достоинствъ: Торы Мусы, Евангелія Исы, Псалмовъ Давуда и Корана Мухаммеда Мустафы (да благословить и да спасетъ его Господь)!

О, вѣтеръ, о болѣзнь, если вы слышите, если вы повинуетесь имени Господа, Айюхуни, Айюхуни ³⁾, оставьте, покиньте тѣло, жилы и кости этого немощнаго человѣка.

¹⁾ Т. е. Алія, четвертаго халифа и національнаго героя и святого не только шиитовъ, но и всѣхъ вообще иранцевъ-мусульманъ.

Всѣ предыдущія имена представляютъ собою названія библейскихъ пророковъ и патриарховъ; имя Шо'аиба въ Коранѣ и Хадисахъ означаетъ тестя Моисея, библейскаго Юфора, Иса — означаетъ Иисуса Христа, Ясъ'я — Иоанна Крестителя.

²⁾ До сихъ поръ въ оригиналѣ все написано по-арабски, далѣе слѣдуетъ персидскій текстъ.

³⁾ Всѣ эти слова по значенію мнѣ неизвѣстны; обращался я за разъясненіемъ ихъ ко многимъ ученымъ персіанамъ, и мулламъ изъ разныхъ мѣстностей, но всегда получалъ одинъ отвѣтъ, что вто есть „veselâh“ (особые термины заклинаній).

⁴⁾ Потухшій вулканъ въ группѣ Эльбурсъ (въ Персіи) и выстѣ съ тѣмъ высочайшая вершина въ ней (5.669 м.).

Отнынѣ ¹⁾ мы положили преграду впереди и позади вѣтровъ и болѣзней, покрыли ихъ покрываломъ, чтобы они стали невидимы; мы призываемъ изъ Корана все то, что есть облегченіе и милость для вѣрующихъ, и то, что приноситъ угнетателямъ гибель. О, Боже, слышашій слышащихъ, ходатай заступниковъ, видящій смотрящихъ, призрающій немущихъ, путеводитель блуждающихъ, питатель даже ничтожныхъ изъ тварей, лучший изъ защитниковъ, Ты, Который сохраняешь здоровье, сохрани послѣднее и у этого больного; Ты, Который все видишь, призри на него; Ты, Который избавляешь отъ болѣзней, да избавишь и этого чловѣка по милосердію своему, Милосердый изъ милосердыхъ!

А. Семеновъ.

¹⁾ Съ того мѣста до конца въ оригиналѣ по-арабски.